

Ф. М. Достоевский и евреи

В статье рассматривается вопрос о взаимоотношениях Достоевского с евреями. Подвергается сомнению распространенное представление об антисемитизме Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, евреи, антисемитизм, русский народ.

Сергей Белов

лауреат Государственной премии Правительства РФ
заслуженный работник культуры РФ
академик Академии Гуманитарных наук
профессор, доктор исторических наук
член Международного Общества Достоевского
член Союза Российских писателей

В "Дневнике писателя" за 1877 год в главе 2-й, посвященной "еврейскому вопросу", Достоевский писал, что *"всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? <...> Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда..."*¹.

Однако название "антисемит" закрепилось за Достоевским настолько, что даже критик А. Г. Горнфельд начинает статью о нем в "Еврейской энциклопедии" словами: *"Достоевский Федор Михайлович (1881-1881) — знаменитый русский писатель, один из значительнейших выразителей русского антисемитизма"*².

Не всегда доброжелательное отношение Достоевского к евреям связано было прежде всего с тем, что евреи не приняли Христа. 15 июня 1880 года Достоевский писал своей хорошей знакомой Ю.Ф. Абазе: *"Мысль эта, что породы людей, получивших первоначальную идею от своих основателей и подчиняясь ей исключительно в продолжении нескольких поколений, впоследствии должны необходимо выродиться в нечто особенное от человечества, как от целого, и даже, при лучших условиях, в нечто враждебное человечеству, как целому, — мысль эта верна и глубока. Таковы, например, евреи, начиная с Авраама и до наших дней, когда они обратились в жидов. Христос (кроме его остального значения) был поправкою этой идеи, расширив ее в всечеловечность. Но евреи не захотели поправки, остались во всей своей прежней узости и прямолинейности, а потому вместо всечеловечности обратились во врагов человечества, отрицая всех, кроме себя, и действительно теперь остаются носителями антихриста, и, уж конечно, восторжествуют на некоторое время. Это так очевидно, что спорить нельзя: они ломаются, они идут, они же заполонили всю Европу; всё эгоистическое, всё враждебное человечеству, все дурные страсти человечества — за них, как им не восторжествовать на гибель миру!"*³.

Однако Достоевский не зря указывает, что в "сердце моем... ненависти" "к еврею как народу", давшему миру Бога, Христа, Духа Святого, Закон и порядок, Библию, "не было никогда". Русский философ-эмигрант А. З. Штейнберг, ветхозаветный еврей, в статье "Достоевский и еврейство" справедливо указывает, что "господствующее представление о Достоевском как о стороннике столь распространенного во второй половине XIX века антисемитизма поверхностно"⁴.

В пользу этой своей мысли А. З. Штейнберг приводит следующие аргументы: *"Еще до того как Достоевский вступил на жизненное поприще, еще в самом раннем его детстве, еврейство произвело на него такое мощное, неотразимое впечатление, что он уже во всю свою жизнь никогда не мог от*

него отделаться. Впечатление восходит... к самому источнику жизни и творчества еврейского народа, к нерукотворному памятнику еврейской и христианской веры: к Библии <...>. И в этом сердце могло зародиться и расцвести вражда к тому народу, который понес божественную книгу в мир, который ради нее принял на себя всю муку исторического существования? <...>."

Есть лишь один народ на свете, которому принадлежит будущее, который призван владеть миром и спасти его: народ русский, народ — Богоносец. Эту заветнейшую свою мессианскую думу и мечту Достоевский, как известно, выразил в самой заостренной форме устами Шатова: "Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в нем и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же обращается в этнографический материк, а не в великий народ. Истинно великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою."

Как странно звучат его слова! Слово из глубины тысячелетий, из седой ветхозаветной старины доносятся они до нас, и кажется, будто говорит их не русский человек о русском народе, а библейский кудесник о родном ему Израиле. И действительно, для Шатова-Достоевского богоизбранный русский народ и есть, в сущности, ныне воскресший Израиль. Стоит лишь вспомнить о словах, сказанных тут же, несколькими строками выше: "Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим Богом победит и изгонит из мира всех остальных богов. Так веровали все с начала веков, все великие народы по крайней мере, все сколько-нибудь отмеченные, все стоявшие во главе человечества. Против факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дожидаться бога истинного, и оставили миру Бога истинного" ("Бесы", ч. 2, гл. 7).

"Еврей без Бога как-то немислим; еврей без Бога и предстать не может", — говорит Достоевский и прямо от себя в "Дневнике". <...> От еврейского народа, от величавого памятника его древности, от Библии... унаследовал он (Достоевский) свою направляющую идею: свой мессианизм, веру в богоизбранность русского народа <...>."

Когда Свидригайлов принимает свое последнее решение и выходит на грязную петербургскую мостовую, чтобы "при официальном свидетеле" положить конец своей жизни, внимание его приковывается к дежурному у пожарной каланчи "человечку в Ахиллесовой каске". "Дремлющим взглядом, холодно покосился он на подошедшего Свидригайлова. На лице его виднелась та вековая брызгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени". <...> Свидригайлов возмущен до последней глуби-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 25. С. 75.

² Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 7. Стб. 310. Репринт.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 30, кн. 1. С. 191-192.

⁴ Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 112.

ны идеей вечности или бессмертия как дурной бесконечности, он восстает против вечного шага на месте, против вечного возвращения, и какая встреча могла бы нагляднее воплотить перед ним всю бессмыслицу существования, нежели встреча с от века призрачно существующим евреем, с Вечным Жидом! Подобно ручному "попугаю", он твердит везде и всегда свое жалкое "здесь не место" не место умирать, не место восстания против "закона" жизни и его непреложности. Пусть призраки скорби довольствуются таким отрицательным утверждением жизни — истинно живой предпочитает этому проклятию самосохранения полное самоуничтожение. Лишь тот, кто не влекол своим Богом подобно жертве бессловесной, а сам пролагает Ему и помазанному Им Спасителю путь вперед, имеет обязанность и право жить.

Так "антисемитизм" Достоевского раскрывается перед нами как другая, как оборотная сторона и истинное основание собственного его "иудаизма". <...>.

"Евреи, — почти иступленно восклицает Достоевский (в статье о еврейском вопросе), — народ беспримерный в мире". Слыханное ли дело, чтоб "антисемит" говорил таким языком? <...> Все эти измерения его [Достоевского] духовного горизонта всегда пересекались для него в одной единственной точке, в том последнем источнике его неиссякаемой творческой энергии, для которого он знал одно лишь священное имя: Россия. Поистине библейский по величию образ. Образ, невольно напоминающий древнейших еврейских провидцев, еще не удостоившихся вознестись на ту высшую вершину пророчества, с которой приемникам их и продолжателям скоро раскрылась во всей своей безмерности всеобъемлющая и всепримиряющая всечеловечность⁵.

К этим абсолютно точным словам А. З. Штейнберга добавим: гений и злодейство — две вещи несовместные.

Подтверждаются и слова Достоевского из его статьи "Еврейский вопрос" в "Дневнике писателя" 1877 года: "Так как в сердце моем этой ненависти [к еврею как к народу] не было никогда и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают..."⁶. Действительно, с Достоевским были "знакомы" и "были в сношениях" с ним знаток и исследователь еврейского быта Я. А. Брафман, арестант Омского острога И.Ф. Бумштель, О.Г. Каган, С.Е. Лурье и ряд других евреев.⁷

Покажем взаимоотношения этих евреев с Достоевским.

Исай Фомич Бумштель (1808, Смолен губ. — ?), арестант Омского острога, как свидетельствует архивное дело, "из Смоленской губернии, из евреев, мещанин, в крепости с 24 августа 1850 года за смертоубийство, на 11 лет, наказан плетью 65 ударами с постановлением штемелевских знаков, золотых дел мастер, грамоты не знает"⁸.

О Бумштабе упоминает в своих воспоминаниях каторжник Ш. Токаржевский⁹. С иронией и с юмором, но все же тепло пишет Достоевский о Бумштеле в "Записках из Мертвого дома" (он фигурирует там под именем Бумштейна)¹⁰.

Соседом Достоевского по нарам в ссылке писателя в Семипалатинске был барабанщик 7 Сибирского линейного батальона Н. Ф. Кац (1837, Пермь — 1912, Семипалатинск), впоследствии первый портной в Семипалатинске.

Н. Ф. Кац был одним из кантонистов, т. е. еврей, назначаемый для приготовления в рекруты. Существует целый ряд источников, свидетельствующих о том, что Достоевский необычайно тепло относился к Кацу, а Кац платил ему той же монетой. Например, в 1896 г. в омской газете "Степной край" появилась статья Каца "Заметка о пребывании Ф. М. Достоевского в Семипалатинске", в которой Кац пишет, что Достоевский "был человек душевный, отзывчивый на все доброе, человек, к которому тянула каждого солдата какая-то непреодолимая сила, несмотря на его мрачный характер"¹¹.

Священник, один из известных исследователей семипалатинского периода жизни Достоевского, Б.Г. Герасимов пишет в статье "Достоевский в Семипалатинске": "Ф[едор] М[ихайлович] жалел Каца и всячески оберегал от оскорблений казармы... Кац говорил нам, что его очень влекло к Достоевскому. "Всей душой я чувствовал, что вечно угрюмый и хмурый рядовой Достоевский бесконечно добрый человек, которого нельзя было не любить". Будучи портным, Кац заработал немного денег и завел самовар, за которым они и сидели с Достоевским в свободное время. Ф[едор] М[ихайлович] отдыхал за самоваром. Чай являлся заметным дополнением к скромному солдатскому столу. Самовар наставлял, и за молоком к чаю нередко ходил сам Ф[едор] М[ихайлович]. Проснется, бывало, рано утром с твердым желанием поставить самовар и приготовить молоко — смотрит, самовар уже на столе, здесь же кринка с молоком, амуниция вычищена..."¹².

Более подробные сведения о Каце и Достоевском приводит из бесед с Кацем краевед А. Скандин: "Федор Михайлович к Кацу относился всегда тепло, участливо, входил в его положение, жалел его молодость <...> Естественно, что он [Кац] привязался к Достоевскому и глубоко уважал его. Заветным желанием всегда у него было как можно больше послужить своему милому соседу"¹³.

Знаток и исследователь еврейского быта, автор книги "Книга Кагала. Материалы для изучения еврейского быта. Собрал и перевел Яков Брафман" (Вильно, 1869. Изд. 2-е Вильно, 1870. Оба издания были в библиотеке Достоевского¹⁴), Яков Александрович Брафман (? — 16(28)12. 1879, Петербург) 3-е издание этой книги (СПб., 1875) подарил 6 апреля 1877 г. Достоевскому с надписью "Федору Михайловичу Достоевскому в знак глубокого уважения от автора 1877 апреля 6"¹⁵.

Обратите внимание, что эту книгу ветхозаветный еврей дарит, казалось бы, антисемиту Достоевскому "в знак глубокого уважения".

По предположению комментаторов "Дневника писателя" за 1877 год в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах, в словах этой книги Достоевского: "Ну что если тут же <...> нахлынет всем кагалом еврей" и других слов этой главы "Дневника писателя" за 1877 год "Но да здравствует братство!"¹⁶. Достоевский частично опирается на книгу Брафмана "Книга Кагала..."¹⁷.

В отечественной достоевской литературе, ни в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах, ни в трехтомной "Летописи жизни творчества Достоевского" совершенно не отмечен факт знакомства Достоевского с крещеным евреем, издателем Ильей Абрамовичем Ефроном (1847, Вильно —

⁵ Там же. С. 117-118, 119, 120, 121, 123, 125

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 75.

⁷ См. подробнее: Белов С. В. Ф. м. Достоевский и евреи (Новая постановка старого вопроса) // Достоевский и современность. Старая Русса. 2002. С. 29-34.

⁸ РГВИА. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1664. Статейный список об арестантах Военного ведомства, посланных в крепостную работу на срок Омской крепости, состоящих в арестантской № 55 роте, за 1852 год.

⁹ См.: Звенья. Т. 6. С. 507.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. С. 55.

¹¹ Степной край. Омск, 1896. 17 марта.

¹² Сибирские огни. 1924. № 4. С. 143.

¹³ Исторический вестник. 1903. № 1. С. 205.

¹⁴ Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского: по неизд. материалам, с прилож. каталога б-ки Достоевского. Одесса, 1919. С. 46.

¹⁵ Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957. С. 524.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. С. 86-88.

¹⁷ Там же. С. 389.

194.(2.5) 1917, Петроград), основавшим в 1889 г. вместе с немецкой фирмой "Брокгауз" в Петербурге издательство Брокгауза и Ефрона для выпуска знаменитого "Энциклопедического словаря".

О знакомстве Ефрона с Достоевским рассказывает в своей эмигрантской книге о Достоевском митрополит Антоний (А. Храповицкий): *"Есть у Достоевского некоторые неясности (пропуски), которые однако становятся вполне понятными при последовавших открытиях о его творчестве. Так для читателя не вполне понятно, почему Смердяков убивает своего отца, и почему Ставрогин был так мрачен и чем-то подавлен. Казалось, в описании их жизни есть что-то недоговоренное. Только теперь выяснилось, что по первоначальной рукописи Смердяков был подвергнут содомскому осквернению своим отцом Федором Павловичем, эта часть рукописи была упущена автором по настоянию его друзей Победоносцева и Каткова, а Ставрогин изнасиловал малолетнюю девочку, которая затем повесилась <...>. Мы уже печатали о том сообщении, которое мы слышали от почтенного старца Ефрона (крещеного еврея), сделавшего мне последнее на смертном одре. Он лично хорошо знал Достоевского и многих других литераторов и раскрыл мне интимную сторону некоторых описанных автором событий, в том числе и о причине злобы Смердякова против своего отца Федора Карамазова, чего автор не ввел в печать по дружескому совету К.П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Возможно, что они же отсоветовали Достоевскому печатать о посещениях Ставрогиным епископа Тихона, но уже, конечно, по другим побуждениям, для меня пока неизвестным, ибо в беседе покойного архиерея со Ставрогиным ничего, конечно, неприличного не было, что имело место в отношениях Федора Карамазова со Смердяковым"*¹⁸.

Еврейка Ольга Григорьевна Каган (1866, Петербург — ?) "с родителями в детстве летом оказалась на даче в Старой Руссе, как раз в то время, когда там жил Ф. М. Достоевский, ей было 13 лет <...>.

Они снимали дачу на втором этаже. А на первом этаже жил сл своей семьей Ф. М. Достоевский, который, как известно, писал тогда "Братьев Карамазовых".

Однажды он остановил Ольгу, спускавшуюся вниз, и задал вопрос, который настолько потряс ее, что она запомнила его и всю эту сцену на всю жизнь.

В субботу по еврейской религии евреи не должны и не имеют права не только работать, но и вообще ничего делать. И вот Достоевский задает следующий вопрос:

— В субботу у вас горят свечи?

— Да, конечно.

— А что вы станете делать, если от свечи загорится занавеска?

— Позову какого-нибудь русского, чтоб он погасил.

— А если никого не окажется рядом, загорится дом, что вы тогда станете делать?"¹⁹.

Обратим внимание на тот факт, что, казалось бы, антисемит Достоевский сдает дачу еврейской семье.

Николай Осипович Линовский (1846 — после 1911, печатавшийся под псевдонимом Н. Пружанский) в 1911 году в своей "Автобиографии" признавался, что к литературному творчеству его приобщил Достоевский, и первый рассказ по-русски он написал под влиянием великого русского писателя²⁰.

В 1910 году в газете "Новые люди" Линовский напечатал воспоминания о Достоевском, которого он пригласил в суд

экспертом своей повести для газеты "Русское обозрение":

"Понятно, что мне нужно было зайти к Достоевскому и извиниться перед ним за то, что я его потревожил. И вот я отправляюсь к Федору Михайловичу Достоевскому <...>.

Федор Михайлович меня тотчас же принял, вышел еще невымытый, непричесанный, в халате, и, протянув мне руку, извинился и сказал, что у него только что был припадок, что он еще не успел оправиться от него и что у него еще колени трясутся.

Я, конечно, тоже извинился, что в такое время потревожил. Он меня попросил сесть, сам сел напротив меня: я ему стал излагать дело свое.

Нельзя сказать, чтобы я себя при этом чувствовал очень хорошо; видно было, что Федор Михайлович был далеко не в своей тарелке, да и прием, как мне казалось, скорее мог считаться сухим, официальным, чем приветливым. И поэтому я старался изложить дело по возможности покороче, исключительно с юридической стороны. А когда я закончил, он заговорил не сразу, а минуту спустя, и при этом очень внимательно, даже как будто подозрительно разглядывая меня.

— А содержание вашей повести? — спросил он.

Я ему стал излагать содержание и главную мысль, которую я хотел провести.

И по мере того как я говорил, я заметил, что его измятое и болезненное лицо меняется, оживает. Маленькие, серые глаза разгораются огнем. И не успел я кончить, как он перебил меня восклицанием: "Хорошо, очень хорошо!". Я был поражен переменой, которая произошла с ним, это был совершенно другой человек. Он как-то сразу вырос, окреп. Каждая черточка его лица одухотворилась, и он сразу заговорил с необычайным воодушевлением. Это была чудная импровизация о роли славянства <...>, о роли России как носительницы славянских идеалов среди всего славянства <...>. Но когда он кончил о славянстве, я уже не помню, каким образом у нас с ним зашла речь о литературе и русской журналистике <...>.

*Часа два продолжалась наша беседа, которая произвела на меня сильное впечатление. И ни до, ни после этой встречи, мне кажется, я не встречал такого обаятельного и увлекательного человека, каким оказался Федор Михайлович. Он меня до того очаровал, что я даже забыл, по какому поводу я к нему пришел..."*²¹.

Девушка из еврейской семьи Софья Ефимовна Лурье (1858, Минск — 1895) приехала в Петербург из Минска и обратилась к Достоевскому за советом. Их знакомство состоялось весной 1876 года после обмена письмами, перед отъездом Лурье в качестве сестры милосердия в Сербию. В ответ на первое письмо Лурье к Достоевскому, нам неизвестное, писатель отвечал ей 16 апреля:

*"...Не захотите ли сами зайти ко мне на одну минутку в один из текущих дней, от 3-х до 4-х пополудни? Хоть я и занят, но для Вас найду несколько минут ввиду Вашей чрезвычайной ко мне доверенности, которую умею оценить..."*²².

В ответном письме от 25 апреля 1876 года Лурье сообщала: *"Многоуважаемый Федор Михайлович! Вас, без сомнения, удивит моя дерзость, но если понятие, составленное мною о Вашей личности, хоть несколько верно, то, узнав в чем дело, Вы не откажете мне. Я обращаюсь к Вам как к любимому автору и прошу Вас назначить день и час, когда Вы будете свободны, чтобы принять меня"*²³.

¹⁸ Митрополит Антоний Ф. М. Достоевский, как проповедник Возрождения / Посмерт. изд. под ред. и с предисл. архиепископа Никона (Рклицкого). Монреаль, 1965. С. 200-201, 223.

¹⁹ Горфункель Э. Х. Из воспоминаний моей матушки Марии Яковлевны Аронсон // Достоевский и мировая культура. Альманах № 2. СПб., 1994. С. 200-201.

²⁰ Первые литературные шаги. М., 1911. С. 209.

²¹ Новые люди. 1910. 1 марта.

²² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29, кн. 2. С. 81.

²³ Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 181.

В "Дневнике писателя" Достоевский вспоминал: "Я уже хотел было заключить мой "Дневник" и уже просматривал корректуру, как вдруг ко мне позвонила одна девушка <...> Она хочет держать один довольно трудный экзамен <...> и приходила спрашивать у меня советов: что ей читать, на что именно обратить наиболее внимания. Она <...> говорила лишь о своем деле <...> почти застенчиво, с чрезвычайной ко мне доверчивостью. Но нельзя было не разглядеть в ней весьма решительного характера, и я не ошибся. В этот раз она вошла и прямо сказала:

— В Сербии нуждаются в уходе за больными. Я решилась пока отложить мой экзамен и хочу ехать ходить за ранеными. Что бы вы мне сказали?

И она почти робко посмотрела на меня, а между тем я уже ясно прочел в ее взгляде, что она уже решилась и что решение ее неизменно. Но ей надо было и мое напутствие <...>.

Мне вдруг стало очень жаль ее, — она так молода. Пугать ее трудностями, войной, тифом в лазаретах — было совсем лишнее: это значило бы подливать масла в огонь. Тут была единственная лишь жажда жертвы, подвига, доброго дела и,

главное, что всего было дороже, — никакого тщеславия, никакого самоуспокоения, а просто желание — "ходить за ранеными", принести пользу <...>.

Одним словом, уговаривать было невозможно: ведь все равно она бы завтра же уехала, но только с грустью, что я ее не одобрил.

— Ну, Бог с вами, — сказал я, — ступайте. Но кончится дело, приезжайте скорее назад.

— О, разумеется, мне надо сдать экзамен. Но вы не поврите, как вы меня обрадовали.

Она ушла с сияющим лицом и, уж конечно, через неделю будет там²⁴.

Я мог бы привести и другие примеры дружеского общения Достоевского со своими современниками-евреями, а этих современников с Достоевским²⁵, но и этих примеров вполне достаточно для того, чтобы понять слова Достоевского в его завещании, в Пушкинской речи: "Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей"²⁶. То есть братом и евреев.

²⁵ Переписка Достоевского с А.-У. Ковнером свидетельствует о нормальном отношении писателя к евреям (см. об этом подробнее в кн: Гроссман Л. П. Исповедь одного еврея. М; Л., 1924. Переизд.: М., 1999).

²⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. С. 147.